

Хотя Цзюнь Хуан и была озадачена, она покорно принесла несколько ведер горячей воды.

— Хорошо, раздевайся и залезай.

Оле Крэгфинд проверил температуру воды и ехидно сказал:

— Травы сегодня предназначены для укрепления костей и сухожилий. Посидишь тут четыре часа, от этого будет одна польза, никаких побочных эффектов.

— Снять одежду? — Цзюнь Хуан с сомнением взглянула на старика.

А что, хочешь сидеть в лечебной ванне одетой?! — старик начал закипать от возмущения.

Цзюнь Хуан увидела, что старику даже не в пришло в голову то, что ей нужно уединение для того, чтобы раздеться, поэтому она нерешительно высказалась:

— Между мужчинами и женщинами должна быть проведена четкая грань, и если вы не против...

— Как ты смеешь выгонять меня!!

Еще до того, как Цзюнь Хуан закончила говорить, Оле Крэгфинд возмущенно подпрыгнул.

— Ладно, я ухожу, ухожу! — раздраженно закричал он и подбросил еще одну пригоршню трав. Он ткнул пальцем в деревянную ванну и прошипел:

— Ты пробудешь в ней четыре часа! Не смей выходить раньше времени, иначе я не буду лечить тебя от яда!

Он распахнул дверь и вышел из дома, бормоча себе под нос:

— Как она смеет указывать мне, чтобы я ушел, как она смеет выгонять меня из своего же дома...

Цзюнь Хуан безропотно вздохнула, наблюдая за уходящей фигурой. Этот старик не был плохим человеком, но какой у него переменчивый характер... Она покачала головой и тихо закрыла дверь. Затем она повернулась к ванне и нахмурилась. Вода внутри уже начала чернеть. Она не сомневалась в его словах; это зелье определенно укрепило бы ее кости и сухожилия. Но когда она вспомнила о ехидном выражении его лица, то почувствовала, что что-то упустила. Но у нее не было другого выбора, не так ли?

Она сняла с себя одежду и погрузилась в ванну. Температура воды была горячей ровно настолько, насколько нужно. И вода окружила ее теплым объятием. Она почувствовала, как ее сухожилия медленно расслабляются под воздействием лечебной ванны. Она вся прогрелась, и усталость, накопившаяся днем в процессе обучения, отступила.

Но в следующую секунду теплый комфорт сменился пронзающей режью, исходившей от ее меридианов. Возникло чувство, словно тысячи муравьев грызли ее кости. Эта душераздирающая боль просверлила сквозь все ее тело. Цзюнь Хуан стиснула зубы, холодный пот медленно стекал по ее лицу.

Боль. Было так больно, что даже дышать было необычайно трудно. Наконец-то она поняла, что означало это выражение на лице старика. Она зажмурила глаза и крепко сжала кулаки. Ее ногти глубоко впились в ладони, вырезая в них кровавые следы. Но разве эту боль можно было

сравнить с возможностью отомстить за семью и дом?

Оле Крэгфренд занимался разными делами снаружи хижины, она периодически приковывала его глаза. Прошел час, и не произошло ничего необычного. И через два часа он тоже все еще не слышал криков боли. Через три часа тоже все еще стояла мертвая тишина.

Бам! Он внезапно бросил на землю травы, которые держал в руке, и раздраженно посмотрел в направлении Цзюнь Хуан. Травы, которые он добавил, были довольно действенными, и он прекрасно понимал, насколько будет больно тому, кто погрузится в наполненную ими ванну. Но эта терпела такую боль! Она старалась! Вскоре прошло четыре часа, а он все еще ничего не слышал. В конце-концов, он не мог уже сидеть на месте и пинком распахнул дверь комнаты. Ничего себе! Это чертова девчонка, может вытерпеть такую боль, да!? Ну, посмотрим, завтра я собираюсь увеличить дозу! Увидим, попросит ли она о пощаде!

.....

В мановение ока прошел месяц. В первой половине месяца, на рассвете каждого дня, Оле Крэгфинд подкидывал ей несколько книг о лекарствах или ядах. А затем он один уходил в горы собирать травы. На закате он возвращался, чтобы приготовить лекарственные ванны для Цзюнь Хуан. Во второй половине месяца она закончила изучение книг и сопровождала его на ежедневных сборах трав, продолжая принимать болезненные лечебные ванны в ночное время.

Месяц спустя.

Они и опомниться не успели, как пришло назначенное время. Оле Крэгфинд всучил Цзюнь Хуан большой пакет с лекарствами, болтая без остановки:

— Это лекарство от порезов и царапин. Это порошок, чтобы вводить людей в замешательство... без него выходить слишком опасно. Это слабительное, подсунь его тому, кто тебя раздражает, и его анус пожелает, чтобы он вообще не появлялся на свет! Это...

Цзюнь Хуан убрала пакет, ее сердце внезапно сжалось, когда она заметила неприкрытую озабоченность в глазах старика. Хотя он обычно ворчал и придирился, постоянно выказывая злобное отношение к ней, она прекрасно понимала, что за этот месяц он научил ее всему, что знал сам. Он ничего не утаил, и даже эта мучительная ночная лечебная ванна была только для ее пользы. Она думала, что навсегда останется в одиночестве после того, как она утратила свой дом и страну. Она же ничего не сделала, чтобы заслужить такое сердечное отношение со стороны Оле Крэгфинда.

— Чего ты на меня так уставилась?

Поймав взгляд Цзюнь Хуан, старик быстро сделал шаг назад. Он тут же попытался оправдать свои действия:

— Не воображай ничего лишнего! Я дал тебе это только потому, что я беспокоюсь о том, что мой подопытный помрет! Не думай слишком многого!

Цзюнь Хуан знала, что старик был только внешне суровым, а на самом деле очень мягкосердечным. Не обращая внимания на его слова, она искренне поблагодарила:

— Спасибо.

— Спасибо, ишь ты! Просто вали уже отсюда! — Оле Крэгфренд подавил тоску в глазах и

продолжал выталкивать Цзюнь Хуан за дверь.

Она взглянула на соломенную хижину, в которой жила в течение последнего месяца. Она была старой и потрепанной. Во всех отношениях она не могла сравниться с дворцом ее юности, но тут ей было необычайно тепло и уютно. Она стала для нее единственной безопасной гаванью в самый тяжелый период ее жизни.

Старик сказал, что он собирается выпроводить Цзюнь Хуан, но, когда они подошли к выходу, то перестал ворчать.

— Я не знаю, что ты задумала, но понимаю, что это что-то опасное. Ты должна быть осторожна и несмотря ни на что вернуться живой!

— Я знаю, — и по лицу Цзюнь Хуан проскользнула тень улыбки, вызванная этим явным проявлением привязанности от старика. — Спасибо.

— Иди, иди. Не забудь вернуться через год! — Оле Крэгфинд вздохнул и помахал рукой.

Цзюнь Хуан подошла к двери и вспомнила время проведенное со стариком в течение этого месяца, чувствуя нарастающую грусть и тоску теперь, когда они собираются расстаться. Хотя он был очень строг с ней, и ежедневные ванны были очень болезненными, на самом деле это все было действительно для ее же блага. Ее раны излечились в течение месяца, и даже ее собственное телосложение было значительно улучшено. Кроме того, он прилежно учил ее медицине и ядам по своим многочисленным книгам. Несмотря на то, что он бесился и злился, когда она что-то не понимала, он все равно терпеливо объяснял ей все это.

— Мастер! — Цзюнь Хуан посмотрела на Оле Крэгфинда, он стоял на пороге и провожал ее взглядом. Она не могла просто уйти, поэтому повернулась к нему, упала на колени и три раза подряд сделала глубокий поклон. Она давно в своем сердце приняла старика в качестве учителя, несмотря на то, что у него был переменчивый характер и он все время отдавал ей распоряжения. Она хорошо понимала, что он беспокоится о ней.

— Да кто, черт возьми, твой учитель! — пусть Оле Крэгфинд и закричал, но глаза его покраснели. — Поторопись и уходи! Помни, у тебя всего один год, а потом ты должна будешь притащить свою задницу обратно!

Цзюнь Хуан кивнула и, украдкой бросив еще один последний взгляд на соломенную хижину, зашагала прочь.

Восточный У, Западный Цюэ, Северный Ци, и Южный Му когда-то были четырьмя великими странами с самыми большими территориями. Теперь Западный Цюэ больше не существовал, а Южный Му не имел никаких отношений с покоренной страной. Только Северный Ци поддерживал хорошие отношения с Западным Цюэ. Если она хочет отомстить, она не сможет сделать этого в одиночку. Поэтому она направилась в Северный Ци.

Глубоко в горах Цзюнь Хуан переделалась в мужскую одежду и долго смотрела в сторону дворца. Бросив на него последний взгляд, она решительно повернулась и отправилась в путь. Она бы хотела подольше посмотреть на свой дом, но от ее страны не осталось ничего, кроме имени. Она все еще не отомстила. Разве у нее есть право вернуться домой?

Отец. Мать. Она молча поклялась в своем сердце. Цзюнь Хуан навсегда останется принцессой Западного Цюэ. Цзюнь Хуан не вернется в Западный Цюэ, пока не отомстит!

Она ушла вдаль под заходящим солнцем. С каждым шагом, который она делала, ее одинокая тень удлинялась.

<http://tl.rulate.ru/book/11894/230407>